

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И РИТУАЛЫ В СУДЕБНЫХ ПОДВОРЬЯХ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ АНГЛИИ

Статья описывает судебные подворья предреволюционной Англии – самоуправляющиеся сообщества юристов, которые занимались юридической практикой в судах, и правовые школы, где передавали знания студентам, вступившим в корпорации. Это были сообщества с иерархической вертикальной структурой, связанные чувством сопричастности, единства, общей судьбы, организационно, обычаями, празднествами, ритуалами и церемониалом. Вступив в подворье и связав с ним жизнь, человек не только набирался знаний и практического опыта, но и медленно продвигался внутри него по иерархической лестнице. Система подготовки юристов сложилась эмпирически в течение веков: мастера передавали практики ученикам в ходе упражнений. Передача опыта осуществлялась orally-слуховым способом, не имела тьютерства, зависела от мотивации студента, трудолюбия, упорства и связей. Мотивированным студентам приходилось нанимать наставников из числа опытных юристов. Студенты в обязательном порядке должны были владеть юридическим французским и латинским языками, поскольку на этих языках было написано большое число юридических источников, а французский язык использовался в судопроизводстве. Тексты и юридический французский были трудны для восприятия: источники содержат много жалоб на «темноту» права. Период XVI – первой половины XVII в. стал временем создания печатной юридической литературы. Таинство передачи правового опыта было потеснено печатным станком. Однако попытки создать достаточно компактные и ясные произведения большого успеха не имели. Предложения по систематизации и кодификации права поддержки в юридическом сообществе не находили.

Ключевые слова: Англия, право, юристы, подворье, образование, ритуалы

Судебные и канцлерские подворья, или инны (inns of court и inns of chancery) – сугубо английское явление. В отличие от континентальной Европы, где правоведов обучали в университетах, в Англии возникла своя традиция подготовки юристов. Английское общее право, где главным была не норма, а прецедент и отточенный в ходе прений и многочисленных фиксаций в судебных отчетах и трактатах принцип, преподавалось в подворьях. Современники эту инаковость объясняли тем, что университеты используют для обучения латынь, а в английском общем праве задействованы три языка – латынь, французский и английский¹.

Ранняя история судебных и канцлерских подворий не поддается реконструкции. Известно, что западные пригороды Лондона уже к XIV в. были довольно плотно застроены доходными домами и постояльями дворами, которые заполнялись чиновниками, официальными и юристами во время пребывания в столице. Чаще всего это были периоды заседаний парламента и судебных сессий. Если судьи и сержанты обычно жи-

¹ Fortescue 2002. P. 66–67.

ли в собственных домах, то клерки и «подмастерья» снимали комнаты, нередко деля их. Согласно общепринятой гипотезе, выдающиеся правоведы у себя дома готовили учеников. С ростом численности профессии, юристы начинают совместно снимать дома на время судебных сессий, где могли жить, спать и работать с клиентами. Они вскладчину оплачивали повара, вместе принимали пищу в общей зале. Часть этих домов затем превратилась в предоставляющие правовое образование судебные (старшие) и канцлерские (младшие) подворья².

Судебные подворья представляли из себя профессиональные, связанные традицией, образовательными и ритуальными практиками корпорации, в которые можно было вступить, получить определенный уровень образования и в котором можно было продвинуться. В судебные подворья вступали, как правило, представители дворянской молодежи, уже ряд лет проучившиеся в Оксфорде и Кембридже или даже совершившие путешествие на континент. Иногда эти молодые дворяне год или чуть больше постигали азы права в одном из канцлерских подворий, а затем уже перемещались в судебное подворье³.

Еще в XV в. стало очевидно, что в Лондоне возник центр образования, который Джон Фортеस्कью назвал «академией»⁴, а в XVII в. его окрестили «третьим», или «правовым университетом» (Lawyers University)⁵. Фортеस्कью писал о существовании 4 судебных – Линкольн-инн (Lincolnes-Inne), Миддл-темпл (Middle temple), Иннер-темпл (Inner Temple) и Грейз-инн (Gray's Inn) – подворьях и 10 канцлерских. К началу XVII в. осталось 8 канцлерских подворий⁶. По мнению Дж. Фортеस्कью и Эдварда Уотерхауза, «Афины права» возникли в столице, во-первых, потому, что здесь сосредоточены судьи, юристы (сержанты, «подмастерья», барристеры) и «расфуфыренные студенты (ingenious and florid Students)», во-вторых, столица ежедневно привлекает «потoki людей и вещей», т.е. массу потенциальных клиентов, в-третьих, подворья дают не только правовое, но и широкое образование. Они «есть настолько же школы воспитания и рыцарства, насколько и школы права»⁷. Очевидно, непосредственная близость судебных, административных учреждений, служб королевского двора, судов и служб Лондона добавляли привлекательность иннам, были их конкурентным преимуществом.

Джон Фортеस्कью писал, что уже в 1477 г. в каждом судебном подворье обучалось по 200 студентов⁸. В начале XVII в. Джеймс Уайтлок

² Baker 2000. P. 3–28; Idem. 2007. P. 159–162; Brooks 1986. P. 159.

³ Prest 1972. P. 21–29.

⁴ Fortescue 2002. P. 68.

⁵ Buc 1614. P. 965–978; Dugdale 1680. P. 142; Stow 1908. P. 76.

⁶ Fortescue 2002. P. 68; Stow 1908. P. 77; Brooks 1986. P. 158.

⁷ Fortescue 2002. P. 68; Waterhouse 1660. P. 131–134.

⁸ Fortescue 2002. P. 68.

усомнился в правильности приведенных данных. По его словам, даже сейчас нет «у нас общины», которая могла бы собрать больше 220-ти человек, и что Дж. Фортеस्कью, вероятно, имел ввиду не только студентов, но всех «резидентов» подворья⁹. Данные Эдварда Кока несколько выше. «Каждое судебное подворье включает свыше 20 лекторов, или бенчеров, свыше 60-ти полных барристеров и около 160-180 молодых джентльменов, которые проводят время, изучая право и в похвальных занятиях, подобающих джентльменам»¹⁰. Вильфрид Прест полагает, что для XV в. Дж. Фортеस्कью сильно завысил число студентов, и согласен с Джеймсом Уйтлоком, что речь следует вести обо всех «резидентах» подворья. Эдвард Кок, по его мнению, рисует для начала XVII в. «разумную и точную картину». Студенты вступали в подворье, но кроме них членами общины были управляющие инном юристы (бенчеры и барристеры), которые когда-то вступили в подворье, жили либо в нем, либо в других частях Лондона. Последние часто практиковали в провинции и появлялись в подворье на короткое время, когда дела призывали их в столицу. Единолично покоем (*chamber*) в подворьях владели бенчеры. Остальные могли арендовать покои или их часть до конца жизни. Сплошь и рядом арендаторы помещений, несмотря на существующие в подворьях запреты, сдавали их свои знакомым и землякам. Приведенные В. Престом данные показывают, что в среднем на каждых двух членов приходилось менее одного покоя, свыше половины членов подворья никогда в нем покоев не арендовало, предпочитая снимать жилье по соседству. Сопоставив сохранившиеся записи регистров с прямыми и косвенными свидетельствами, признавая определенную искусственность своих подсчетов, он приходит к выводу, что во времена Дж. Фортеस्कью каждое подворье могло иметь 60 (включая студентов) резидентов. Между 1500 и 1600 гг. число резидентов увеличивается вчетверо, достигая 240–250 чел. Пик численности приходится на вторую декаду XVII в., когда членство в иннах доходило до 300 человек¹¹.

Выдающийся историк права Фредерик Мэтленд в начале XX в. назвал судебные подворья структурами, похожими одновременно на клубы, колледжи и тред-юнионы¹², подчеркнув тем самым корпоративное единство подворий и наличие среди их членов общих интересов, ценностей и ритуалов. Образование и обучение были только одной из сторон деятельности подворий. Практикующие и не преподающие юристы оставались их членами, они покидали подворья, только приобретя более высокий статус и должность – сержанта (юриста самого высокого статуса), королевского атторнея или судьи. Например, Джеймс Уйтлок

⁹ Whitlock 1771. P. 79.

¹⁰ Coke 1826 Vol. II, Pt. 3. P. XXXVII.

¹¹ Prest 1972. P. 5–17, 47.

¹² Maitland 1957. P. 125.

вступил в Миддл-темпл в 1592 г. в качестве студента, а покинул его только в 1620 г., получив звание сержанта¹³.

Структура подворья и уровни продвижения

Подворье имело трехчленную структуру. Вершину ее занимали бенчеры (benchers), или лекторы (readers), которые изначально читали лекции, но «сейчас, – сообщает источник, – на них главным образом возложено управление и поддержание подворья». На год они из своей среды избирают казначея, в некоторых подворьях его называли «пенсионером», который собирает деньги с членов подворья и отвечает за расходование средств. Ниже бенчеров стояли полные барристеры (Utter-Barresters), которые получали это звание, набравшись за годы обучения «знания и опыта». Студентов допускали к стойке (делали полными барристерами) после экзамена, им был испытательный, проводимый по-французски, судебный процесс (Mote, moote)¹⁴. Студенты подворья могли называться младшими барристерами (Inner-Barresters), или джентльменами. «Юные люди, у которых нет знаний и опыта, которые не способны приводить и опровергать аргументы в постановочном судебном процессе». Они изучают действия и слова полных барристеров во время постановочных процессов, запоминают их, затем воспроизводят, выступая – один – от имени истца, второй – от имени ответчика¹⁵. Все студенты подворья в течение первых двух лет входили в младшее сообщество, называемое «сообществом клерков» (Clerks Commons), а затем, через два года, переходили в старшее сообщество – мастеров (Masters Commons). Оба сообщества делали еженедельные взносы на свое содержание. В середине XVI в. еженедельное содержание клерка составляло 2 шилл. 2 пенса, а мастера – 2 шилл. 8 пенсов¹⁶. Подворье, следовательно, состояло из разрядов и представляло иерархическую пирамиду. Во время трапез столы занимались и обносились в соответствии с рангом за ними сидящих. Бенчеры, барристеры и студенты сидели отдельно. Стол бенчеров возвышался над остальными. Бенчеры получали вино от подворья, а барристеры оплачивали его сами. Каждый ранг был соответственно одет: бенчеры восседали в мантиях до колен с кистями из шелка и вельвета, барристеры – в черных платьях с длинными, окаймленными вельветом, свисающими рукавами и студенты в скромных черных длинных одеждах без рукавов с черными шапочками на головах¹⁷.

Современники рисуют стандартную карьеру юриста так: год или два лицо, поступившее в инн, считалось младшим студентом, накапливало опыт, участвуя в упражнениях, затем семь или восемь лет студент

¹³ Liber Famelicus. 1858. P. 14, 79–83.

¹⁴ Denton, Bacon, and Cary 1663. P. 544.

¹⁵ Ibidem; Buc 1615. P. 974.

¹⁶ Ibid. P. 546; Dugdale 1680. P. 193-194; Buc 1614. P. 974–975.

¹⁷ Prest 1972. P. 48.

считается мутменом, изучает право, участвует в учебных постановочных процессах, задает вопросы и участвует в прениях во время лекций, после чего допускается к стойке¹⁸. Уильям Дагдейл пишет, что в Иннер-темпле для того, чтобы быть допущенным к стойке мутмен должен был провести в канцлерском инне 12 «больших» и 24 «малых» учебных тяжб¹⁹. Став полным барристером, он получал право читать лекции в младшем инне. Барристерам «разрешается публично заниматься своей профессией, иметь правовую практику в судах и оказывать помощь клиентам, и из-за этого их называют юрисконсультантами (cancellors at the law). После еще ряда лет и после того, как еще возрастут их познания и доверие к ним, они подходят к следующей высокой степени..., им дозволяется прочесть лекцию о праве в зале... и называться лекторами, а после того, как они прочтут повторно, их называют «подмастерьями», которые могут становиться бенчерами... и иметь власть управлять делами своих подворий». Обычно не менее, чем после 12 лет занятий практикой в качестве полного барристера и, читая лекции в инне, юрист мог быть избран бенчером подворья или признавался старейшиной (ancient). Старейшины – это опытные барристеры, занимающие среднее положение между бенчерами и барристерами. Начинающие бенчеры допускались к чтению лекции в летнюю вакацию, а старшие бенчеры – в зимнюю вакацию. Из числа лекторов король назначает генерального атторнея (прокурора), генерального солиситора (стрипчего), атторнея в Суд по делам опеки, сержантов, а из числа сержантов – судей²⁰.

Корпоративное единство поддерживалось ритуально и символически. Все члены подворья должны были под страхом различных штрафов принимать участие в организуемых вкладчину совместных празднованиях и праздничных трапезах. Главные празднования приходились на день Всех святых (1 ноября) и Сретение (2 февраля). На тех, кто проживал в городе, а не в подворье и не участвовал в празднествах, тоже налагался штраф. Исключения делались только для престарелых и немощных членов подворья²¹.

Практики и ритуалы юридического образования

Учебный год в подворье делился на три части: семестры (Term-times), промежуточные вакации (mean-vacation) и образовательные вакации (learning-vacations)²². Посмотрим, какие приемы и инструменты использовались в подворьях для обучения праву. Знание права, которое «состоит из множества почти не определяемых частей», по Э. Коку, приходит к студенту в результате «чтения (reading), слушанья (hearing),

¹⁸ Coke 1826, Vol. II, Pt. 3. P. XXXVI; Dugdale 1680. P. 159.

¹⁹ Dugdale 1680. P. 159.

²⁰ Coke 1826, Vol. II, Pt. 3. P. XXXV–XXXVI; Dugdale 1680. P. 144; 202–203.

²¹ Dugdale 1680. P. 204, 206.

²² Prest 1972. P. 48, 238.

обсуждения (conference), размышления (meditation) и записывания (recordingation)»²³. Основным способом овладения знаниями были «упражнения» (exercises). Существовало три типа «упражнений» – диспут, или разбор юридического казуса (case-putting), учебный постановочный судебный процесс (moot) и прослушивание лекций (readings)²⁴.

В разборе казуса мог принимать участие любой член подворья, независимо от статуса. Их устраивали для развития «ума и памяти». «Ежедневно в ходе семестра, после обеда... один из бенчеров... ставит на обсуждение придуманный им казус, который касается двух или трех сложных вопросов права». После обмена мнениями, за столом формируются «три команды», устраивающие диспут. Команда, в которую входит поставивший на обсуждение казус бенчер, приводит аргументы последней. До этого по возрастному принципу – сначала младшие, потом старшие – выступают две другие команды²⁵.

Учебный постановочный процесс организовывался двумя полными барристерами по вторникам и четвергам после ужина. В верхнем конце залы выстраивались бенчеры. К ним обращались два студента, излагая по-французски условия тяжбы, и «почтительно» справлялись, будут ли их слушать. Дав утвердительный ответ, бенчеры выбирали из своей среды двоих, которым предстояло приводить аргументы. Сами они тоже делились на две группы. Стоя группа против группы, бенчеры обсуждали тяжбу и приходили к согласованному решению. Затем происходил учебный процесс, который переносился в нишу залы (cur-board). Старший бенчер садился на скамью перед столом, а справа и слева от него садились два ранее отобранных бенчера, имитируя судей. Напротив садились студенты и барристеры, изображавшие адвокатов истца и ответчика (mootmen). Обе стороны приводили свои аргументы по-французски, цитировали по памяти судебные решения, воспроизводили правовые принципы и максимы. Последними выступали бенчеры, которые выносили решение по-английски. После окончания учебной тяжбы студенты и барристеры одаривали бенчеров пивом и хлебом²⁶.

Учебный процесс в младших подворьях кратко описывает Саймон Дьюс. Его там проводил опытный барристер, являвшийся лектором. Стороны представляли два студента²⁷. Условия процесса далеко не всегда придумывались барристерами. Обычно их извлекали из имеющихся в наличии собраний. Самым ходовым для начала XVII в. было собрание Эдмунда Плоудена²⁸. В учебном судебном процессе были задействова-

²³ Coke 1826. Vol. I., Pt. I. P. XXVII–XXVIII.

²⁴ Prest 1972. P. 117.

²⁵ Dugdale 1680. P. 208.

²⁶ Ibid. P. 208–209.

²⁷ D'Ewes 1845. P. 218.

²⁸ Plowden 1662.

ны представители всех разрядов подворья: старшее поколение транслировало опыт и традицию младшему. Диспут и разбор юридического казуса (case-putting) и учебный постановочный судебный процесс (moot) – в эти учебные практики студенты были вовлечены постоянно. С. Дьюс в «Автобиографии» упоминает более чем о двух десятках постановочных процессов в судебных и канцлерских иннах, в которых он участвовал и «аргументировал по-французски», или наблюдал за ними²⁹.

Время лекций (readings) наступало в т.н. образовательные вакации. Лекции, читаемые в подворьях, изначально были образовательными мероприятиями, но с течением времени превратились в ритуал со своим церемониалом, торжественностью и подчеркнутой иерархичностью. Семантика церемониала образовательных вакаций призвана была подчеркнуть корпоративное единство подворья. Образовательные вакации приходились на периоды больших праздников. Первая (зимняя) – начиналась в первый понедельник Великого поста (Lent-Vacation), т.е. в феврале, летняя вакация – начиналась в понедельник, следующий за праздником урожая (Lammas-day, 1 августа). Обе вакации продолжались три недели и три дня³⁰. Рутинные «упражнения» во время вакаций превращались в представления. Это была обязательная практика для тех, кто хотел продвинуться в подворье. Лекция посвящалась одному из парламентских актов, занимала примерно два часа и сопровождалась диспутами, которые могли продолжаться за последующими совместными трапезами³¹. Зимняя вакация, приходящаяся на Великий пост, считалась более значимой, чем летняя. Из числа тех, кто уже ранее читал лекции летом, выбиралось несколько – им предстояло прочесть лекции зимой. Э. Кок говорит, что лекторами в зимнюю сессию становятся бенчеры и старейшины, которые до этого читали лекции 9-10 лет назад. В XVI в. только допущенные к чтению «повторных» лекций полные барристеры могли становиться бенчерами. Из их же числа отбирались будущие сержанты³². В первые десятилетия XVII в. произошли существенные сдвиги: от повторных лекций отказались, все чтение сократилось до двух недель, а бенчерами становились уже после первой лекции³³.

Подробное описание лекционного ритуала оставил У. Дагдейл. Лекции в ходе образовательных вакаций читались по понедельникам, средам и пятницам³⁴. В последнюю пятницу (перед Днем Всех Святых) парламент (собрание членов) подворья избирал из числа опытных барристеров (sup-board men) на грядущий год двух лекторов (readers). На

²⁹ D'Ewes 1845. P. 218, 221, 224, 229, 232, 239, 242, 254, 256, 261, 302, 304.

³⁰ Prest 1972. P. 48, 238.

³¹ Denton, Bacon and Cary 1663. P. 544-545; Coke 1826. Vol. II., Pt. 3. P. XXXV.

³² Coke 1826. Vol. II., Pt. 3. P. XXXV.

³³ Dugdale 1680. P. 276; Prest 1972. P. 127-131.

³⁴ Dugdale 1680. P. 207, 270.

следующий день, во время обеда, оба лектора приглашались за возвышающийся над всеми другими столами стол бенчеров, где «в качестве первого чествования» преподносили бенчерам и небольшому числу опытных барристеров «некоторые количества вина». С этого времени лекторы больше не сидели за столом барристеров, но и за стол бенчеров они не приглашались. Теперь их место было за столом старшин (ancient table), которых они тоже «приветствовали» подношением вина. Они освобождались от организации учебных судебных процессов и прочих «упражнений», а также от всех обязанностей по подворью, поскольку им следовало сосредоточиться на подготовке лекции³⁵.

До конца января лекторы, как арбитры, присутствовали еще на учебных судебных тяжбах. За неделю до начала произнесения лекции лектору запрещалось появляться в общей зале. Он должен был оставаться в своей комнате и покинуть ее уже в обновленном статусе. В воскресный день, накануне лекции, лектор молился в часовне подворья. Это был торжественный акт: его сопровождали бенчеры, два специально назначенных помощника и «12 или 14 одетых в ливреи слуг»³⁶. Во время ужина лектора сажали во главе стола бенчеров. Он сидел в кресле, а они располагались на лавках. Встав утром, лектор выбирал себе из числа студентов помощника (sub-lector), который должен был носить его «книги и бумаги». После завтрака, лектор спускался в залу, где его ожидало уже все подворье. Остановившись в нише посреди залы, лектор приносил присягу верности королю, и шел к столу бенчеров, заняв там в этот раз скромное («низкое») место. Его помощник оглашал тему лекции, посвященную какому-то статуту, и лектор начинал говорить. Специальный и композиция были выработаны веками. Лектор произносил «серьезную речь», просил извинить его за «слабости» и выражал желание услышать замечания собравшихся, а также приводил резоны, заставившие его избрать данный статут. Он останавливался на частях статута, разбирал «10 или 12 положений» первой части. Затем один из молодых студентов из ниши выступал с опровержением по одному из его выводов. После говорили, начиная с самого младшего, 4 «человека из ниши» (sup-broad men). Все они были опытными, с большим стажем барристерами. Двое из четырех затем избирались следующими лекторами³⁷. За ними предъявляли свои доводы бенчеры. Наконец, сам лектор приводил дополнительные аргументы в поддержку своей позиции. Часто на лекцию приходили судьи или сержанты в «пурпурных мантиях и красных капюшонах». Тогда они выступали после лектора, но в его поддержку, оппонировав бенчерам. Затем лектор давал обед всем участникам дискуссии, по окончании которого дискуссия продолжалась. Так, по три дня

³⁵ Ibid. P. 204.

³⁶ Liber Famelicus 1858. P. 74.

³⁷ D'Ewes 1845. P. 304–305.

в течение трех недель подряд лектор произносил речи и парировал возражения оппонентов. Заканчивалось все в последнюю неделю «празднеством и пиром», на которые приглашались знатные гости, послы иностранных государств, епископы. Поскольку все расходы по организации лекции, обедов и празднеств нес сам лектор, то все действо стоило «великих затрат»³⁸. Так, Дж. Уайтлок (его чтения состоялись в 1619 г.) потратил на подарки и кормление присутствующих и гостей 369 фунтов, 12 шилл. и 9 пенсов (среди прочего были съедены 83 олени туши)³⁹. Заканчивалось все для лектора в ходе первого парламента следующей сессии. Один из его помощников произносил перед бенчерами полную восхвалений искусства лектора речь. Потом выступал сам лектор, хвалил и благодарил за науку своих оппонентов, возносил слова благодарности студентам за терпение к его словам. Затем его благодарили бенчеры. Он садился с бенчерами ужинать за один стол, и с этого времени «лектор становился полным, непререкаемым бенчером»⁴⁰.

О композиции чтения можно судить по опубликованным текстам лекции Френсиса Бэкона. Чтение Бэкона пришлось на зимнюю вакацию 1600 г. В Грейз-инн в течение двух недель он читал лекции, посвященные «Статуту о доверительном пользовании недвижимостью» (Statute of Uses) Генриха VIII (1535). Открывалось чтение свойственным философу витиеватым введением, в котором он специально подчеркнул, что в своей лекции следует сложившемуся канону (ancient form of reading). При структурировании лекции он исходил «из текста статута и его контекста», руководствуясь тремя принципами: 1) показать, как институт пользования трактуется в общем праве, 2) рассмотреть вред (mischief), который устраняется этим статутом, 3) обозначить «максимы общего права», лежащие в основе статута⁴¹. Лекции студенты записывали в свои тетради. Потом эти конспекты могли ходить в списках.

Долгая и трудная дорога к праву

Эдвард Уотерхауз воспроизвел, со слов своего «друга», бенчера Грейз-инн, мистера Лэнгфорда (Langford), распорядок дня «юного джентльмена». Просыпался студент в 5 час. утра. Один час (между 5 и 6 час.) посвящал чтению Священного Писания и молитве. С 6 до 9 – «прилежно» изучал право. С 9 до 11 – «играл» оружием, фехтовал, танцевал. С 11 до 12 час. наступало время «искусств» – занятие риторикой и логикой. С 12 до 2 часов дня студент обедал и «переваривал» съеденное. С 2 до 5-ти после полудня, наносил визиты друзьям и «воздавал должное». В 5 час. возвращался к «искусствам» – читал книги по исто-

³⁸ Dugdale 1680. P. 206–207.

³⁹ Liber Famelicus. 1858. P. 70–73.

⁴⁰ Ibid. P. 208.

⁴¹ Bacon 1864. Vol. XIV. P. 285–287.

рии, прозу и поэзию. С 6 до 8 – ужинал. С 8 до 9 – повторял пройденное за день и молился. С 9 до 5 — спал⁴².

На деле картина была далека от идиллии. В подворьях не было тыютерства, что, как отмечал в конце XVII в. генеральный атторней Англии Роджер Норт, отличало не лучшим образом подготовку юристов общего права⁴³. Не существовало какой-то четкой системы занятий. Подворья никак не мотивировали молодых людей. Обучение здесь не предполагало каких-либо санкций. Тот, кто не собирался становиться барристером, мог себя особенно не утруждать. Родители были вынуждены нанимать бенчеров или барристеров для преподавания молодым людям права и присмотра за ними. Нередко эту миссию несли родственники или друзья. Например, в начале XVII в. некий студент со стажем Чарльз Трипп (Charles Tripp) в Миддл-темпле опекал своих соседей по Вингэму (Wingham) (графство Кент), только поступивших в подворье, братьев Ричарда и Джона Оксинденов⁴⁴. О варварском языке общего права, который никому, кроме юристов, не понятен, писал в 1531 г. Томас Элиот. Он же сетовал на то, что наука права тяжело дается студентам, многие-большая часть которых находит ее «занудной» и либо «сторонится законов, либо не признается друзьям, что предается играм или праздности»⁴⁵. В начале XVII в. так продолжали думать многие. Поэт Ричард Брайтвейт был немало опечален, когда родители решили прервать его «сладостные академические занятия» в Кембридже и переместить «в места терний и мутных луж закона» (those thorny places and plashes of the Law) (в подворье Грейз-инн) изучать право. Знание, которое он там нашел, «сильно отличалось... от обычного», требовало, несмотря на владение многими языками, освоить «новый диалект». «Я, – продолжает он, – пробыл здесь долго, но приобретение мое состояло лишь в том, что я оброс здесь скорее знакомствами, чем знаниями. Я не был единственным... кто со временем вошел на эту территорию и затуманил глаза законничеством. Я видел многих, кто не мог возместить своим родителям оплаченные годы даже прочтением одной полки книг»⁴⁶.

Историк Дж. Хоуэлл констатировал: «Никакая другая наука не требует сколького терпения и упорства, как общее право»⁴⁷. Для современников постижение правовой премудрости – это медленный, тяжелый, полный препятствий путь в гору. Уильям Стэнфорд, обращаясь к студентам, писал: «Знание... права лежит за дальней далью, путешествие к нему кажется бесконечным и мучительным, приходится уныло та-

⁴² Waterhous 1663. P. 151–152.

⁴³ North 1824. P. 1.

⁴⁴ Oxinden Letters 1933. P. 7.

⁴⁵ Elyot 1883. P. 133–136.

⁴⁶ Brathwaite 1638. P. 426–429.

⁴⁷ Howell 1892. P. 33.

щиться по путям и дорогам, преодолевая завалы»⁴⁸. Как иронично замечал Роджер Норт, студент только тогда «пожнет плоды» учения, если будет «двигаться к цели без перерыва. Ему надлежит не только читать и говорить о праве, но и есть, пить и спать с правом»⁴⁹.

Книги и печатные пособия

В конце XVI – начале XVII в. традиционное обучение, основанное на орально-слуховом (через лекции и упражнения) способе, было потеснено книгой. Печатный станок существенно облегчил доступ к знанию, в т.ч. правовому. Многие юридические тексты, хранившиеся в частных руках, в XVI в. стали публиковаться. Будущий юрист должен был прочитать, проработать значительное количество «больших юридических книг», изучить судебные отчеты и «Ежегодники» (Year books) – фиксации судебных прецедентов (в конце XIII–XV в. на пергаменте, затем печатались), сделать многочисленные выписки и конспекты. Среди списков рекомендованных к прочтению и изучению текстов, выделяется своей длиной список Роджера Нортона: он состоял из 10 обязательных книг и 16 дополнительных⁵⁰. Отсутствие порядка при обучении и систематизации самого права, действительно, осложняло подготовку юристов. Собственно говоря, каждый студент сам, собирая, компилируя

⁴⁸ Staunford 1568. P. A.III.

⁴⁹ North 1824. P. 22.

⁵⁰ Обязательный список включал Томаса Литтлетона, Джона Перкинса, Эдмунда Плуодена, Роберта Кейлвея, судебные отчеты елизаветинских и раннестюартовских судей Уильяма Леонарда (William Leonard) (1658), Эдварда Кока, Джеймса Дайера (James Dyer, на французском – 1585, краткое изложение на английском – 1651), сержанта Френсиса Мура (Francis Moore) (1663), генерального атторнея Джеффри Палмера (Geoffrey Palmer) (1678, французский язык). – North 1824. P. 41. К дополнительным книгам отнесены «Интерпретатор» Джона Коуэлла (Joon Cowell. Interpreter. 1607), «Разделение судов» (Diversite de courtz et lour jurisdictions, 1561, фр. изд., Diversity of courts, and their jurisdictions, 1646, англ. изд.), Энтони Фитцхеберта, «Старые держания» (Olde tenures, безымянный трактат, написанный по-французски в XIV в., служил источником Т. Литтлетону, неоднократно переиздавался в XVI–XVII вв.), далее перечислены: «Новая природа приказов Энтони Фитцхеберта, «Полномочия и юрисдикция судов» (L'authorite et iurisdiction des courts de la Maiestie de la Roygne, фр. изд. 1594) Ричарда Кромптона (Richard Crompton), «Гяжбы короны» (Les plees del coron diuisees in plusors titles and common lieux, фр. изд. 1583) Уильяма Стэнфорда, III часть («Гяжбы короны»), IV часть («Юрисдикция судов») «Институций» Эдварда Кока, его же «Комментарии на Литтлетона» и «Комментарии к Великой хартии вольностей» (ими открывается II часть «Институций», и отдельные издания), «Маленький Брук» (Brooke's New Cases, Petit Brook or Bellewe Temp. Henry VIII, 1578) – собрание избранных судебных дел, подготовленное Робертом Бруком, сокращенный вариант его же "La Graunde Abridgement, Collect & escrie per le Iudge tresreuerend Syr Robert Brooke, Chiuallier". Londini, 1568, за первую половину XVII в. переиздано 6 раз), «О законах и обычаях Англии» Генри Брактона (XIII в.), «О законах и обычаях королевства Англии», XII в. Ранульфа Глэнвилла (Ranulf de Glanvill), «Бриттон» (Britton, 1530) – запись английского права XIII в. и «Флета» (Fleta, 1594, 1647) – анонимный правовой трактат конца XIII в. (последние четыре – на латыни). – North 1824. P. 3.

прецеденты и цитаты, выстраивал «из многочисленных и почти неопределяемых частных» какую-то систему. Эдвард Кок подчеркивал, что знание приходит через «упорядоченное записывание» частных⁵¹.

Думается, что мало, кто из намеревавшихся стать юристом, был способен осилить весь список Р. Нортона. Поэтому юристы и антиквариисты стали готовить что-то вроде пособий, или суммированных дайджестов права. Вероятно, главными среди них следует назвать 4 тома «Институций» Эдварда Кока (печатались в 1628–1644 гг.), который полагал, что они окажут существенную помощь изучающему право⁵². Но этот перегруженный комментариями объемный труд не облегчил жизнь студента. Роджер Норт ставил «Комментарии на Литтлтона» Кока не очень высоко, говоря, что автор хотел «принести объяснения», но добился «плохого результата», поскольку его пространственные пояснения «мешают и уводят внимание от самого текста»⁵³.

Идея как-то систематизировать, упорядочить право, облегчить его изучение студентами и сделать более доступным для непосвященных возникала все чаще. Эбрахам Франс, получивший образование в Кембридже и допущенный к стойке в Грейз-инн, поклонник логики Пётра Рамуса, и Джон Доддридж, судья суда Королевской скамьи, надеялись упорядочить общее право с помощью логики и предлагали свести его к ясным формулам, подобных формулам римского права⁵⁴. Но оба написанных текста, полные отвлеченных рассуждений и советов, оказались невостребованными и не имели практического применения.

В 1600 г. было издано сочинение Уильяма Фулбека «Руководство, или Приготовление к изучению права», который заявлял о том, что хорошо бы свести общее право к некоторому количеству разделов (heads). Сочинение Фулбека, в котором порядка было все-таки не много (в начале автор посвятил несколько страниц разбирательству, в какое время суток лучше овладевать ремеслом юриста⁵⁵), выгодно отличалось от работ Эбрахама Франса и Джона Доддриджа тем, что его автор оставался в правовом поле, сторонясь их методологической отвлеченности. Из работы Уильяма Фулбека можно было получить практическую пользу.

Отсутствие системы и порядка в праве удручала не только студентов. Выдвигалась идея провести кодификацию и систематизацию права, которую предлагал, в частности, Френсис Бэкон⁵⁶. Предложение встретило противодействие и реализовано не было, системного, упорядочен-

⁵¹ Coke 1826. Vol. I, Pt. P. XXVII.

⁵² Coke 1853. P. XXXVIII.

⁵³ North 1824. P. 11.

⁵⁴ France 1588. To the Learned Lawyers of England, especially the Gentlemen of Grays Inne, P. 119; Doddrige 1631. P. 33–36, 40–48, 52, 62–63, 107.

⁵⁵ Fulbecke 1829. P. 44–50.

⁵⁶ Jardine, Stewart 1999. P. 61.

ного и понятного изложения общего права так и не появилось. В начале XVIII в. Роджер Норт горько констатировал: «Из всех профессий мира, которые заявляют о системном образовании, ни одна не нуждается в нем столь сильно, как общее право»⁵⁷.

Судебные подворья являлись сообществами юристов, которые занимались юридической практикой в английских судах и передавали знания студентам, вступившим в корпорации. Судебные подворья представляли сообщества с иерархической вертикальной структурой, связанные чувством сопричастности, единства, общей судьбы, организационно, обычаями, праздниками, ритуалами и церемониалом. Внутри подворье состояло из нескольких сообществ – бенчеры, барристеры, студенты – с определенными обязанностями и привилегиями. Вступив в подворье и связав с ним жизнь, человек набирался не только знаний и практического опыта, но и медленно продвигался внутри него от широкого основания к вершине корпоративной пирамиды. Система подготовки юристов складывалась эмпирически в течение веков. Внутри нее мастера должны были передавать практики ученикам в ходе упражнений. Передача опыта осуществлялась орально-слуховым способом, не имела тьютерства, зависела от мотивации студента, трудолюбия, упорства и связей. Мотивированным студентам приходилось нанимать наставников из числа опытных юристов, чтобы овладеть необходимым опытом и традицией. Студенты в обязательном порядке должны были владеть юридическим французским и латинским языками, поскольку на этих языках было написано большое число юридических источников, а французский язык использовался в судопроизводстве. Тексты и юридический французский оказывались трудны для восприятия, и источники содержат большое число жалоб на «темноту» права. Образование в корпорациях одновременно может считаться «либеральным», поскольку в них поступали учиться лица, не собирающиеся посвящать себя юридической профессии. В кругу других студентов они овладевали здесь минимальными правовыми знаниями и зачатками разных наук. Церемониальные и ритуальные практики являлись не просто празднествами, но и передачей правового опыта, способом поддержания корпоративного единства и возможностью встретить и услышать самых известных юристов, политиков и придворных.

XVI – первая половина XVII в. стали временем создания печатной юридической литературы. Помимо новых правовых произведений, ориентированных на увеличивающееся число потребителей правовых знаний, издавались работы, которые ранее ходили в списках. Таинство передачи правового опыта было потеснено печатным станком. Однако

⁵⁷ North 1824. P. 1.

попытки создать достаточно компактные и ясные произведения большого успеха не имели. Предложения по систематизации и кодификации права поддержки в юридическом сообществе не находили.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Autobiography of Sir John Savile, of Methley, knight, baron of Exchequer, 1546–1607 // *Yorkshire Archeological Journal*. Leeds, 1900. Vol. XV.
- Bacon F. Reading of Statute of Uses // *Works of Francis Bacon* / Ed. by J. Spedding. Boston: Houghton, Mifflin and company, s.d., Vol. XIV. P. 277–359.
- Baker J.H. *Common Law Tradition. Lawyers, Books and Law*. London: Hambleden Press, 2000.
- Baker J.H. *Introduction to English Legal History*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Brathwaite R. *A spiritual spicerie containing sundrie sweet tractates of devotion and piety*. London: Printed by I. Haviland for George Hutton, 1638.
- Brooks C.W. *Pettyfoggers and Vipers of the Commonwealth. The “Lower Branch” of Legal Profession In Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Buc G. *Tried University of England. Or, a Treatise of Foundations of All Colledges, Ancient Schools of Priviledges, and of Houses of Learning, and Liberall arts, within and about most Famous Cities of London* // *Stow J. Annales, or, A General Chronicie of England* / Ed. by E. Howes. Londen1, 1615: Impensis Thomae Adams. P. 965–988.
- D’Ewes S. *Autobiography and Correspondence* / Ed. by J.O. Halliwell. London: Richard Bentley, New Burlington Street, 1845. Vol. I.
- Denton T., Bacon N. and Cary R. *To the most High and most Excellent Prince our most Gracious and most Redoubt Sovereign Lord and King Henry the Eight* // *Fortescutus illustratus, or, A commentary on that nervous treatise. De laudibus legum Angliæ*. written by Sir John Fortescue, Knight ...The Heroique Design of whose Excellent Judgment and Loyal Addiction to his Prince, is humbly endeavoured to be Revived, Admired, and Advanced by Edward Waterhous, Esquire. London: Printed by Tho. Roycrost for Thomas Dicas, 1663. P. 543–546.
- Doddridge J. *English lawyer describing a method for the managing of the lawes of this land*. London: Printed by Assignes of I. More, esq. 1631.
- Dugdale W. *Origines Juridicales; Or Historical Memorials of the English Laws, Courts of Justice, Forms of Tryal, Punishment in Cases Criminal, Law-Writers, Law-Books, Grants and Settlements of Estates, Degree of Serjeant, Inns of Court and Chancery*. London: Printed for Christop. Wilkinson, Tho. Dring, and Charles Harper, 1680.
- Coke E. *Reports* / Ed. by J.H. Thomas. London: Joseph Butterworth and son, 1826. Vol. I-VI.
- Coke E. *Institutes of Laws of England; or, a Commentary on Littleton*. Philadelphia: Robert H. Small, Minor Street, 1853.
- Elyot T. *Book named Gouvernour* / Ed. by H.H.S. Croft. L.: Kegan Paul, Trench & Co, 1883. Vol. I.
- Fortescue J. *On Law and Governance of England* / Ed. by S. Lockwood. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Fraunce A. *Lawiers logike exemplifying the præcepts of logike by the practise of the common lawe, by Abraham Fraunce*. L.: by William How, for Thomas Gubbin and T. Newman, 1588.
- Fulbecke W. *A direction or preparative to the study of the law wherein is shewed, what things ought to be observed and used of them that are addicted to the study of the law, and what on the contrary part ought to be eschued and avoided*. London: Printed for J. and W.T. Clarke, Law booksellers and publishers, 1829.
- Harvey D.J. *Law Emprynted and Englysshed: Printing Press as an Agent of Change in Law and Legal Culture 1475–1642*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Howell J. *Epistolae Ho-Eliaanae: The Familiar Letters of James Howell, Historiographer Royal to Charles II* / Ed. by J. Jacobs. London: Published by David Nutt in the Strand, 1892. Vol. I.
- Jardine L., Stewart A. *Hostage to Fortune. Troubled Life of Francis Bacon*. N.Y.: Hill & Wang Pu, 1999.
- Liber Famelicus of Sir James Whitelocke, a Judge of Court of King’s Bench in Reigns of James I and Charles I / Ed. by J. Bruce. London: Printed for Camden Society, 1858.
- Maitland F.W. *English Law, 1300-1600* // *Selected Historical Essays of F.W. Maitland*. Chosen and Introduced by H. M. Cam. Cambridge: Cambridge University Press, 1957. P. 122–134.

- North R. Discourse on Study of Law. London: Printed for Charles Baldwyn, 1824.
- Plowden E. Plowden's quæries, or, A moot-book of choice cases useful for the young students of the common law. L.: Printed for Ch. Adams, J. Starkey, and Tho. Basset, 1662.
- Prest W. Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590-1640. L.: Longman, 1972.
- Oxinden Letters, 1607-1642: Being the correspondence of Henry Oxinden of Barham and his circle / Ed. by D. Gardiner. London: Constable & Co LTD, 1933.
- Staunford W. An exposition of the kinges prerogatiue collected out of the great abridgement of Justice Fitzherbert and other olde writers of the lawes of Englande by the right woorthfull sir William Staunford Knight, lately one of the iustices of the Queenes maiesties court of comon pleas. London: Imprinted at London: In flete strete within temple Barre at the signe of the hand & starre. by Rychard Totte, 1568.
- Stow J. A Survey of London. Oxford: Clarendon Press, 1908. Vol. I.
- Waterhouse E. A discourse and defence of arms and armory, shewing the nature and rises of arms and honour in England, from the camp, the court, the city: under the two later of which, are contained universities and inns of court. L.: Print. by T.R. for Samuel Mearne in Little Britain, 1660.
- Waterhouse E. Fortescutus illustratus, or, A commentary on that nervous treatise, De laudibus legum Angliæ, written by Sir John Fortescue, Knight... The Heroique Design of whose Excellent Judgment and Loyal Addiction to his Prince, is humbly endeavoured to be Revived, Admired, and Advanced by Edward Waterhouse, Esq. L.: Printed by Th. Roycroft for Th. Dicas, 1663.
- Whitlock. Of Antiquity, Use and Privilege of Places for Students, and Professors of common Laws of England // A Collection of curious written by the eminent antiquaries upon several heads in our English Antiquities / Ed. by T. Hearn. L.: Printed for T. Evans, 1771. Vol. I. P. 78–82.

Кондратьев Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет; s.v.kondratev@utmn.ru

Learning Practices and Learning Rituals in the Inns of Court of the pre-revolutionary England

The article describes the Inns of Court in the pre-revolutionary England. They were self-governing communities of lawyers who practiced law in English courts as well as law schools that educated students who belonged to corporations. The Inns of Courts were communities with a hierarchical order, connected by a sense of belonging, unity, a common destiny and a similar structure, customs, celebrations, rituals and ceremonies. After entering an Inn of Court and associating his life with it, one not only started acquiring knowledge and practical experience, but also slowly climbing its hierarchical ladder. The system of lawyer training had been developed empirically over the centuries; it implied that benchers and utter-barristers were supposed to share their experience with students through exercises. They did it orally. There was no tutoring. A lot depended on a student's motivation, hard work, perseverance and connections. Motivated students had to hire mentors from among experienced lawyers to receive necessary experience. Students were required to know the legal French and Latin because a large number of legal sources were written in these languages; moreover, French was used to write down court proceedings. Texts and the legal French were difficult to comprehend and sources contained a large number of complaints about the "darkness" of the law. In the 16th – the first half of the 17th centuries, first printed legal literature came out. The mystery of transferring legal experience was degraded by the printing press. However, attempts to create fairly compact and clear works did not have much success. Proposals to systematize and codify the law were not upheld by the legal community.

Keywords: England, common law, lawyers, learning, rituals

Sergey Kondratiev, Dr.Sc. (History), Professor, Department of Modern History and World Politics, Tumen State University; s.v.kondratev@utmn.ru